

Ив Жантийом-
Кутырин

Мой крёстный

Воспоминания
об Иване Шмелеве

Ив Жантийом-Кутырин Мой крестный. Воспоминания об Иване Шмелеве

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8682403

Ив Жантийом-Кутырин. Мой крестный. Воспоминания об Иване Шмелеве: Издательство им. Сабашиковых; Москва; 2010

ISBN 5-8242-0118-8

Аннотация

В основу этой книги положены подлинные воспоминания о выдающемся русском писателе XX века Иване Сергеевиче Шмелеве (1873–1950), принадлежащие его внучатому племяннику Ивистиону Жантийому, который заменил писателю и его жене сына Сергея, расстрелянного большевиками. По счастливому стечению обстоятельств, первым, кто встретил в Париже бежавших из России Шмелевых, был трехлетний Ивушка, родившийся почти в год гибели их сына.

Содержание

Предисловие	4
Мой крестный	7
Беседы о моем крёстном	7
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Ив Жантийом-Кутырин
Мой крестный.
Воспоминания об
Иване Шмелеве.
Письма И. Шмелева
Составители Е. Н.
Чавчавадзе, О. Н.
Шотова, Л. Ю. Суорова

Предисловие

Публикуемые нами воспоминания внучатого племянника Ивана Сергеевича Шмелева – Ивистиона Жантийома-Кутырина – написаны уже после того, как прах русского писателя был торжественно перезахоронен в некрополе Донского монастыря. Событие это произошло в июне 1999 года.

Вернулся на родину и архив Шмелева, хранимый и берегаемый сначала Юлией Александровной Кутыриной (1891–

1979), родной племянницей Ольги Шмелевой, а потом перешедший по наследству ее сыну Иву, который родился 4 января 1920 г. в Париже. Отцом его был Рене Андре Эдмон Жантийом (1883–1954), выпускник Школы восточных языков, работавший шифровальщиком во Французском посольстве в Праге. Брак Рене Жантийома и Юлии Кутыриной распался довольно быстро и маленького Ива воспитывали Шмелевы, поселившиеся на квартире своей племянницы в 1923 г., сразу же после фактического бегства из России.

Дядя Ваня и Тетя Оля, как привык называть их Ив, создали ему настоящее русское детство, соблюдая православные традиции, отмечая праздники, с русскими песнями, сказками. Окончив Сорбонну с дипломами по математике и русскому языку, ставший вполне преуспевающим французом, Ив Жантийом сохранил на всю жизнь память о своем необычном и счастливом детстве, подаренном ему Иваном Шмелевым и его женой.

Воспоминания о годах, проведенных вместе с писателем, о непосредственном общении с ним, были частично записаны со слов самого Ивистиона, частично были записаны им самим по просьбе Елены Николаевны Чавчавадзе (главы Департамента президентских программ Российского фонда культуры) и д.ф.н. Елены Анатольевны Осьминой.

Ценным дополнением к этому мемуарному материалу являются письма Шмелева, адресованные Юлии Кутыриной и ее сыну. Эпистолярное наследие писателя входит в состав

архива, переданного Ивом Жантийомом в 1999 году Российскому фонду культуры.

Мой крестный

Беседы о моем крёстном

Дорогие друзья, вы меня просили рассказать вам еще кое-что про моего дорогого Дядю Ваню. Я уже не раз делился с вами моими воспоминаниями, но если «поскрести, помести» по «закобкам» памяти, то можно чего-нибудь и наскрести, намести.

Вы помните, что в сказке про колобочек – деду и его бабке вздумалось на старости лет спечь себе колобочек, чтобы как-то отпраздновать их день свадьбы. Когда это было, уже никто не помнит – когда-то давным-давно, лишь один Бог знает сколько лет прошло с той поры, как они полюбили друг друга раз и навсегда, на всю жизнь и пошли под венец.

Но были они бедно-беднехоньки, трудно им было перебиваться со дня на день, муки у них уже и след простыл. Дед думал-думал и надумал, говорит своей бабке:

– А ты, баба, поскреби, помети по закоулкам, авось и найдется немножко мучки на колобок.

Так и вышло, нашлось муки как раз, чтобы спечь колобок.

Так и я поскребу, помету и, Бог даст, смогу вам что-нибудь да рассказать. Но обещайте мне, что не будете сердиться, если, по рассеянности, лишний раз перескажу рассказан-

ное.

Но это лишь присказка, по древнему обычаю сказителей, а сама сказка-то будет впереди. Ведь матушка¹ моя была сама сказительницей, молодой ездила по деревням, собирала сказки, слушала сказителей и сказительниц и мне передала любовь к сказкам, к русскому быту, так что и я не могу начинать рассказывать без присказки.

Вы, конечно, знаете Ивана Сергеевича Шмелева, по его книгам «Лето Господне», «Солнце мертвых», «Няня из Москвы» и другим. Я же познакомился ребенком сперва с его детскими рассказами, которые мне читала Тетя Оля². Меня очень тронули его «На морском берегу», «Как мы летали», «Гражданин Уклеikin» и, в особенности, «Мэри» Я плакал, когда доходил рассказ до кончины бедной Мэри и с тех пор я еще терпеть не могу скачек – тушу радио или телевизор, когда репортаж о скачках.

Само собой разумеется, что я мечтал, что лажу с ним по крыше, крашу пятки красильщику и мы убегаем, опасаясь его страшной мести.

Я воображал, что мы прыгаем с крыши, держась за ручку зонтика, как за парашют. Но последствия были иные. Дяде Ване горько доставалось за проказы. Как мне рассказывала

¹ Мама – Юлия Александровна Кутырина (1891–1979), племянница Ольги Александровны Шмелевой.

² Иван Сергеевич Шмелев в 1895 году женился на Ольге Александровне Охтерлони (1875–1936), сестра которой, Олимпиада Александровна (1866–1951), была матерью Ю.А. Кутыриной.

Тетя Оля (сам Дядя Ваня не любил об этом вспоминать), его безжалостно пороли на конюшне. Это оправдывалось тем, что после трагической кончины отца мать была перегружена материальными затруднениями. Она нервничала, а маленький Ваня был одарен невероятной фантазией на шалости.

Париж. Юлия Кутырина, Ивушка и И. и О. Шмелевы.

К тому же, в ремесленной среде того века порка считалась якобы необходимым педагогическим приемом, чтобы вразумить молокососа и заодно укрепить его характер, приучая ребенка к выносливости. Помню, как шутили, припевали:

Верба хлест – бьет до слез,
Верба красна – бьет напрасно,
Верба белая – бьет за дело.

Конечно, Дядя Ваня и Тетя Оля отрицали такое спартанское воспитание и ни разу меня не тронули.

Наоборот, помню я, Дядя Ваня старался развивать во мне мягкость, доброту и фантазию – итак, мы вместе готовились ехать к индейцам в Америку, Дядя Ваня мне читал про «Последнего из могикан» Майн Рида, он меня учил мастерить лук из дубняка, точить стрелы с выемкой для тетивы, оперять их, чтобы они летели прямо, охотиться на буйволов и прочее. Само собой разумеется, мы не смазывали острия наших стрел ядом, нам нужно было лишь мясо буйволов, чтобы готовить пемикан на наше пропитание. Он показывал мне, как бить кремень, чтобы получить искры, поджечь трут, а потом разжечь костер, чтобы сушить или жарить по-индейски мясо буйвола.

Но помимо того, мне уже следовало думать, что когда я вырасту большим и пора мне будет разыскивать себе супругу, то, как Ивану-царевичу, мне придется стрелять из лука в небо, и там, куда упадет моя стрела, будет находиться моя суженая, – может быть, богатая купчиха, как на картине Кустодиева, может быть, бедненькая худенькая пастушка, одетая в лохмотья, а вдруг и сама заколдованная злой ведьмой царевна-лягушка, которую мне суждено возвратить в «кра-

соту царь-девицу». Но, извините меня, опять я отклоняюсь от главного.

В сражениях мы всегда стояли на стороне храбрых и честных индейцев, у которых жадные, свирепые белокожие бандиты (которых я отождествлял с кровожадными большевиками, злодейски убившими ни за что ни про что милого Сережу³, сына Дяди Вани и Тети Оли) старались отобрать их земли, как когда-то хазары нападали на русские села и нивы, не щадя ни женщин, ни детей. Об этом я точно знал из песни «Как ныне собирается вещий Олег отмстить неразумным хазарам...», которой меня научил Дядя Ваня. Некоторые слова я плохо понимал, «их села и нивы за буйный набег» я переводил «забуйный на бег», но как можно «забуйно бегать» я себе не представлял, это была тайна Олега, на то он и был вещий, т. е. всезнающий, а мне надо было еще много учиться.

Когда я уже подросток, Дядя Ваня показывал мне, как коптить рыбу на костре, используя зеленые веточки дубняка с листьями для дыма. Можно было прибавить и смолистых

³ ...Сергея. – Сергей Иванович Шмелев (1896–1921), сын И.С. Шмелева, студент естественного отделения физико-математического факультета Московского университета, потом прапорщик 5-го легкомортирного паркового артиллерийского дивизиона, в первую мировую войну, был мобилизован в армию генерала А.И. Деникина, служил в Туркестане, затем в Алуштинской комендатуре. 3 декабря 1920 года был арестован комбригом 3-й стрелковой дивизии Райманом, 11 декабря отправлен в Феодосию, где содержался в Виленских казармах. По новейшим сведениям, смертный приговор ему был вынесен 29 декабря 1920 года, приведен в исполнение 3 марта 1921 года.

сосновых иголок, – лишь для аромата. Свежую рыбу Тетя Оля покупала на базаре, прямо у рыбаков – ведь Капбретон, где мы проводили каникулы, был тогда маленьким рыбацким портиком. Через городок протекал канал Будиго и можно было достать угрей. Как вкусны были копченые жирные угри, которых мы сами готовили! Я облизывал себе пальчики несмотря на то, что они были грязные.

Конечно, все эти мелочи вряд ли могут заинтересовать умных и серьезных историков, литературоведов, но вы меня просили не читать вам научную лекцию, а просто поделиться моими детскими воспоминаниями о моем дорогом, бесценном дяде и крестном отце, а именно такие мелочи показывают наглядно, как он меня любил; каким он был конкретно вне своего писательского призвания, как он обо мне заботился и как он хотел из меня сделать честного русского человека для будущей России, в которую он верил. Для него быть крестным отцом не было пустым словом. Он себя считал ответственным перед Богом, так же как и его писательский дар должен был служить правде, защищать бедных, обиженных на этом свете. Об этом я неоднократно слышал от Тети Оли. Она во многом была посредницей, так как лучше понимала душу ребенка.

Первая попытка написать рассказ, как он мне рассказывал, была связана с одним грустным случаем: бедняк старик собирал сухие сучья в лесу, принадлежавшем какому-то богатому помещику, чтобы как-то обогреться в своей хижине.

Его уличил суровый лесничий в воровстве и приказал бросить охапку дров в поток. Рассказ кончался на том, как бурным течением уносило охапку, а бедняга с пустыми руками возвращался в свою промерзшую избенку. Конечно, я плакал. Недаром меня дразнили плакучей ивой. Я не помню, был ли этот «наивный рассказик», как считал его сам Дядя Ваня, где-нибудь да напечатан.

Я не раз катался на Коньке-горбунке Ершова, но так как я был еще маленьким, меня подсаживал Дядя Ваня, и я скакал по поднебесью через поля, через озера, уцепившись за хвост или гриву. Я видел жар-птицу, хватался за ее светящееся перо, но она царапала меня и с криком улетала. Я гулял по спине бедной, осужденной не знаю почему «Рыбы-кит». Но не окунался в холодную и горячую воду следом за Ванькой-дураком, ибо я хорошо запомнил, что можно простудиться, схватить насморк или хуже, ошпариться, что очень больно. Об этом я узнал по картинкам в книжке о проказах непослушного Степки-Растрепки. Также не надо было ковырять в носу, чтобы нос не разросся и не пришлось бы его тащить в тачке, опасно было подходить к пчельнику, могли страшно ужалить пчелы, или есть сырое тесто, чтобы не распухнуть из-за брожения, как резиновый шар, и не взлететь до самых туч.

По советам Дяди Вани, меня не раз выручал мой преданный друг – «серый волк». Конечно, мне хотелось запастись на всякий случай мертвой и живой водой. Я уже приготовил

два пузырька, но тут Дядя Ваня отговорил меня:

– Не надо злоупотреблять услугами серого волка, у него, как у Тети Оли, и так не перечесть других неотложных забот.

Характерно, что в первых романах на французском языке, с которыми он меня знакомил, была и искра фантазии, и защита униженных, как в романах «Собор Парижской Богоматери», «Отверженные», «Труженики моря» Виктора Гюго. Участь Эсмеральды, Жана Вальжана, а также зловещего гигантского спрута меня очень волновали.

Дядя Ваня был одарен невероятной памятью. Он мог цитировать наизусть по-латыни отрывки из «Воин Цезаря с галлами».

Однажды он стал сравнивать⁴ басню Лафонтена «Цикада и муравей» с басней Крылова «Стрекоза и муравей» и дал почувствовать литературное превосходство последнего. Уже прошло около полувека, но этот единственный его урок по сравнительной литературе запечатлелся у меня в памяти навсегда, а выразительный голос Дяди Вани продолжает звучать в моих ушах.

Дядя Ваня был замечательным чтецом, его неоднократно приглашали на литературные вечера, где он читал перед публикой отрывки из своих произведений.

Будучи подростком, он мечтал стать оперным певцом. Судьба навела его на иной путь, но он любил дома петь от-

⁴ сравнивать Стрекозу и Муравья и *La Cigale et la fourmi* – басню (1808) И.А. Крылова и «Стрекозу и муравья» Жана де Лафонтена.

рывки из «Руслана и Людмилы». Музыка Мусоргского его особенно трогала. Раз он отвез меня на оперу «Жизнь за царя», среди артистов участвовал знаменитый Шаляпин. Когда мы жили в Севре, к нам специально приезжал из Парижа известный тогда квартет Кедровых⁵. Пели «Вечерний звон» (конечно, без отвратительных бездушных микрофонов), прекрасно гудели басовые колокола: бом, бом, бом! Кедровы научили меня наивной детской песне:

Жил-был у бабушки серенький козлик,
Вот как, фить как, серенький козлик ...

Но в их исполнении получался шедевр.

Более полувека спустя я обучил этой песне мою жену-итальянку. Впоследствии обучение песням стало одним из моих педагогических приемов, дабы без сугубой грамматики преподавать, а главное – дать полюбить русский язык моей обожаемой итальянке, и при этом ее саму еще больше полюбить. Но это еще другая длинная история. Авось расскажу вам в другой раз.

Вспоминаю, может быть, невпопад, но мысли приходят, как приходят, один характерный случай с писателем Шмелевым. Однажды предложили Шмелеву использовать его рассказ «Человек из ресторана» для съемок фильма. Чтобы луч-

⁵ квартет Кедрова – основанный еще в Петербурге квартет Н.Н.Кедрова (1871–1940), куда входили также К.Н. Кедров, И.К. Денисов, Т.Ф. Казаков.

ше ознакомиться с искусством кино, мы поехали посмотреть фильм по рассказу Гоголя «Тарас Бульба». Мне он очень понравился, но Дядя Ваня отнесся критически, не соглашался с требованиями продюсеров, и дело не завязалось. В области искусства он был непоколебим и не допускал ни малейших коммерческих компромиссов.

Раз я его спросил, как он относится к тому факту, что его творчество, как и вообще любое творчество, понимается по-разному, в зависимости от читателя. Мне тогда думалось, что одно адекватное понимание достоверно, следовательно, все остальные ошибочны. Его ответ был:

– Чем богаче произведение, тем больше может быть разных пониманий.

Искусство есть искусство, а не рыночный товар.

Вы меня спрашиваете, как он переживал убийство своего сына, сгладило ли время его душевную скорбь?

Нельзя говорить лишь об одном Дяде Ване или об одной Тете Оле. Они жили одной плотью, одним духом. Это была их общая неизлечимая рана. Хоть о нем при мне и мало изъяснялись, но по их взгляду друг на друга можно было догадаться. Им не надо было говорить, чтобы друг друга понять.

Сережа был все время мысленно с нами. Было ясно, что я стал как бы воплощением Сережи. Тетя Оля готовила мне лакомства, которые любил Сережа. У нас был домашний язык, «идиолект», как его называют филологи. Например, «сережечкины жилки» у нас обозначало определенную говя-

дину с нежными хрящевыми прослойками. В курице были части, которые особенно любил Сережа, как, например, гребешок или мозги. Конечно, мы всегда шутили над куриными мозгами. Куриные лапки надо было обжигать над пламенем, чтобы очистить от грубой кожицы. Потроха необходимо было тщательно промыть и долго варить, в особенности куриный желудок, который мы с Сережей находили очень вкусным. Из высушенного дыхательного горлышка Тетя Оля изготавливала гремучий браслет, вкладывая в него «рисовинки». А кости телячьих лапок сушили, и Дядя Ваня учил меня, как с ними играть в бабки, как их кидать, как правильно метиться.

Конечно, Сережа очень любил гречневую кашу – «мать нашу» – на молоке или со сливочным маслом, ибо всем известно, что «каша любит масло». Перловый суп ел, потому что надо было его есть, чтобы расти большим. Кисели варили на молоке, на шоколаде, на ежевике, которая росла под рукой, и даже на клюквенном экстракте, который можно было достать в русской лавке в Париже. Манную кашку я ел утром или на сладкое, как Сережа, с поджаренным сахаром.

Сережа во всем мне служил примером. Само собой разумеется, что Сережа не плакал, когда ушибался, так и я не должен был плакать – мужчины не плачут. «Плакать – это бабье дело». Сережа никогда не капризничал, рано ложился спать, чистил тщательно зубы, чисто вытирал себе нос, мыл часто руки и не забывал мыть также за ушами и пр...

Летом Дядя Ваня очень любил заниматься садоводством. Ему особенно нравилась настурция, повилика (иначе говоря, вьюн), душистый горошек, садовый мак. Мы собирали и сушили зернышки на следующий год. На наши подсолнухи приходили любоваться соседи – подсолнухи поворачивали свои головы к солнцу, как живые. В эту давнюю эпоху подсолнухи являлись еще диковинкой.

Кроме цветов, Дядя Ваня увлекался огородом. Он выращивал дыни, учил меня, как их опылять, как многие эмигранты сажал ароматный укроп, а не «глупую» петрушку, настоящие русские огурцы, а не французские хилые корнишоны, которые продавались на рынках. Огурцы можно было солить на зиму. Но я предпочитал их есть свежими, с грядки, разрезать их вдоль, не чистя, посолить обе половинки, потереть их одну об другую, они симпатично хрустели под зубами.

На мой день ангела, Дядя Ваня устраивал домашний фейерверк. Зажигал красные и зеленые бенгальские огни, пускал ракеты, они со свистом взлетали и падали недалеко на лужайке. На следующий день я собирал пустые гильзы и сам надеялся устроить фейерверк, набивал их опилками, даже подливал прованского масла, но у меня ничего не получалось.

Вас, кажется, больше интересует дружба Шмелевых с Деникиными⁶. Об этом у меня также остались кое-какие воспо-

⁶ Деникиных – Антон Иванович Деникин (1872–1947), генерал, участник рус-

минания. Деникины жили в двухстах метрах от нашейвиллы Riant Séjour, среди довольно большой усадьбы с огородами, принадлежащей какому-то фермеру-баску, вблизи от канала Будиго. Обе семьи часто ходили в гости друг к другу. По дороге встречались тележки, запряженные волами. На них отчаянно орали их хозяева, но я многих слов не понимал, а когда спрашивал у взрослых, то они мне отказывались переводить, и только убеждали их не повторять. Лишь много лет спустя я догадался, о чем могла идти речь.

Между Антоном Ивановичем и Дядей Ваней было некое соревнование – чья водка «слаще»? Покупали в аптеке лечебный алкоголь, подливали воды, кажется, дистиллированной, важно было знать пропорцию и как подливать, к тому же подмешивали какие-то таинственные травы, натирали какие-то корешки, причем у каждого был свой рецепт, и получалась отличная водка. Ее пробовали и закусывали, «чем Бог дал». На самом деле, Тетя Оля была мастерица стряпать, никто не умел так готовить баклажанную икру, маринованные гриб-

ско-японской, первой мировой и гражданской войн, в 1918–1920 годах главнокомандующий вооруженными силами юга России, в эмиграции – редактор газеты «Доброволец», автор ряда книг, друг Шмелевых. Ксения Васильевна Деникина (1892–1983), его жена, автор воспоминаний об И.С. Шмелеве. Письма Шмелева Деникиным хранятся в Бахметьевском архиве Колумбийского университета (США). 3 октября 2005 года прах генерала Антона Ивановича Деникина и его жены Ксении Васильевны (1892–1973) был перевезён в Москву для захоронения в Донском монастыре. Перезахоронение было осуществлено с согласия дочери Деникина Марины Антоновны Деникиной-Грей и организовано Российским фондом культуры.

ки или пирожки с разнообразной начинкой и даже с вязигой (мало кто теперь знает, даже среди русских, что такое вязига), или соленые рыжики по-домашнему, с укропом и лавровым листом. А Дядя Ваня, надо признаться, был большим лакомкой, требовательным гурманом. Тетя Оля его избаловала.

Дядя Ваня и Антон Иваныч часами обменивались мыслями, конечно, подальше от ребячьего щебетанья. А мы, дети и Мариша⁷, развлекались по-своему, шныряя по огородам или прячась в камышовых зарослях на берегу канала, или еще лучше, кормя уток червяками и ракушками, которые мы вытаскивали из песка и тины на берегу озера. Нам было особенно смешно, как утки друг у друга вырывали из клюва лакомые кусочки.

Ксения Васильевна ко мне относилась с лаской. Она обучила меня двум песням, одной цыганской, романтической:

Мой костер в тумане светит,
Искры гаснут на лету
Ночью нас никто не встретит,
Мы простимся на мосту...

она кончалась словами:

⁷ Мариша – Марина Антоновна Деникина (1919–2005), дочь А.Н. Деникина, журналистка, писательница, мемуаристка. Писала под псевдонимом Марина Грей, муж – граф Кьяпе.

Вспоминай, когда другая,
Друга милого любя,
Будет песни петь, играя
На коленях у тебя.

и гусарскому маршу, когда мы ходили гулять:

На солнце оружием сверкая,
Под звуки лихих трубачей,
По улице пыль подымая,
Проходил полк гусар усачей.

Марш кончался:

А там чуть подняв занавеску,
Лишь пара голубеньких глаз
Искала среди уходящих
Участника милых проказ.

Припев энергичный:

Марш вперед!
Россия ждет,
Черные гусары,
Звук лихой
Зовет нас в бой,
Наливайте чары.

Мариша не любила петь, она объясняла тем, что у нее не

было голоса.

Капбретон. Шмелевы, Деникины и Юлия Кутырина (стоит). 1927.

Она предпочитала шарады, разные игры как «да и нет не говорить, черного и белого не поминать», или игра в доктора – мы подражали взрослым, прописывали капли или порошок. Если что-то болело, надо было натирать скипидаром, мазать йодом и, конечно, капризничать, жаловаться, что йод щипит. Мнимый врач измерял температуру, и если был жар, приказывал лежать в постели, никуда не выходить, чтобы не простудиться, одевать теплую фуфайку. Самый страшный рецепт: это был жгучий горчишник на спину или на грудь. Много других лекарств можно было придумать.

Некоторые игры требовали навыка, например, в игре «да и нет» – как заставить противника произнести запрещенные слова. Тут была сложная стратегия, как перехитрить, чтобы противник попался на удочку. Были трафаретные «подножки»: какого цвета снег или сажа? Хочешь ли чаю с солью? Любишь ли ты клубничное варенье? Но такого рода ловушки хорошо все знали.

Капбретон. Деникины и Шмелевы.

Надо было изобрести что-нибудь новое, особенное, неожиданное, чтобы заставить противника врасплох.

Вы спрашивали: «участвовали ли взрослые в наших играх?» – Да и нет, в зависимости от того, как это понимать, отрицательно или положительно. Если мы импровизировали «негритянский оркестр», били в жбаны как в барабаны, визжали, что есть мочи, то взрослые просили нас – «немного потише!» И если мы устраивали «балаган», бегали сломя голо-

ву по комнатам, прыгали по постелям, закутывались в одеяла, скатерти или ковры, дрались подушками, переворачивали стулья и вообще что попало, то, само собой разумеется, нас энергично умиряли, как тигров в цирке. Но когда мы смиренно играли в прятки, то многое нам прощалось – можно было залезть под стол, в комод, под одеяло и Бог знает куда, куда обыкновенно нельзя было соваться.

Случалось, что, наоборот, в некоторых играх взрослые нам помогали, – ибо не так-то просто было находить подходящие слова для шарад. «На-поле-он» всем наскучил. Тогда взрослые нам подсказывали другие слова, как их делить на более мелкие слова и как потом их наглядно представлять, чтобы слушатели могли догадаться, о чем идет речь.

Случалось, что Шмелевы и Деникины устраивали поездку по каналу Будиго на большой, черной, просмоленной лодке. Канал Будиго впадал в Атлантический океан, и при сильных приливах и отливах можно было воспользоваться течением, чтобы легко проплыть на верховье, а вечером вернуться, пользуясь обратным течением.

Капбретон. А. И. Деникин, д-р Васильев и Шмелевы. 1925–1926.

Как в боевом расчете, у каждого было свое назначение. Мужской пол управлял веслами, а женский радовался на природу и одновременно следил за детскими шалостями. Ведь мы проплывали мимо глубоких омутов, где, как все знают, «черти водятся», и, следовательно, чертята могли стараться затянуть в круговорот. Но нас защищал могучий, доблестный Генерал Антон Иванович – высокий, крепкий, как «Илья Муромец», и к тому же маленько страшноватый, хоть

и лысый, как коленка, но зато с длинными седыми усами. Мне рассказывали, что он воевал против злых большевиков и что он заслужил много золотых медалей. Чертята никогда не посмели бы нападать на нас. Генерал мигом бы их засадил в карцер, и мне, как мужчине, не было страшно даже окунать руку через борт в темную воду, несмотря на женские опасения и уговоры.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.